

РАЗДЕЛ III. КОМПАРАТИВИСТИКА СЕГОДНЯ: ЗАДАЧИ – ИДЕИ – ШКОЛЫ

ББК 83.3
УДК 8.82.02/.09

Е. В. Никольский¹
Карпатский университет им. А. Волошина
eugenius-09@ukr.net
Д. Вальчак²
Варшавский университет
dorota.walczak1990@gmail.com

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ ЗЛА? О МОТИВЕ ЗМЕЕБОРСТВА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Извечная борьба добра и зла издревле волновала людей и была одной из наиглавнейших тем устных преданий и художественной литературы. Злое начало, по большей части аллегорически, изображалось в виде страшного змея, дракона. Христианство неприязненно относилось к ползучим гадам, но в эпоху древних германцев змеи и драконы не были сугубо отрицательными персонажами, и борьба богов и героев с этими рептилиями имела в сказания германцев более глубокое значение, чем заурядное единоборство.

Если повнимательнее присмотреться к обильному и разнородному этнографическому материалу, сможем заметить, что сам мотив змееборства имеет явно доисторическое (архетипическое) происхождение. Сказания о драконе и змеях появляются ведь на всех континентах и во всех культурах – от Европы, через Азию и Африку, вплоть до Латинской Америки.

Старейшее упоминание о змееборстве найдём в Ветхом завете, в 14 главе Книги Даниила. О драконе упоминается также в Откровении св. Иоанна Богослова. Там с чудовищем сражается Архангел Михаил.

---

¹ Никольский Евгений Владимирович, доктор филологических наук (Dr. hab), профессор, доктор богословия, магистр религиоведения, эксперт Научно-издательского совета поизданию Полного собрания творения святителя Феофана, Затворника Вышенского, Карпатский университет имени Августина Волошина, г. Ужгород, Украина.

² Вальчак Дорота, аспирант исторического факультета, магистр исторических наук, Варшавский университет, г. Варшава, Республика Польша.

Заметим, что в европейской культуре, в отличие, например, от китайской, где дракон – положительный персонаж, змей всегда считался антигероем, олицетворение зла и некоего животного начала, с которым борется и которое побеждает положительный герой. В данном контексте змеборство можно считать символическим отображением борьбы добра со злом.

В настоящей статье попытаемся установить генезис и проследить развитие мотива змеборства в русской культуре, которая переняла его из Византии посредством житийной литературы, но в самом скором времени выработала и свои оригинальные варианты во главе с необыкновенной «Повестью о Петре и Февронии Муромских».

Ключевые слова: дракон, змей, змеборство, зло, агиографическая литература, эпос, жития святых, пророк Даниил, Димитрий Ростовский, фэнтэзи, архетипы

Извечная борьба добра и зла издревле волновала людей и была одной из наиглавнейших тем устных преданий и художественной литературы. Большой частью злое начало аллегорически представлялось в виде страшного змея, дракона. Христианство неприязненно относилось к ползучим гадам, но в отличие от этой точки зрения в эпосе древних германцев змеи и драконы не были сугубо отрицательными персонажами, и борьба богов и героев с этими рептилиями имела в сказаниях германцев более глубокое значение, нежели заурядное единоборство.

Согласно словарю А. П. Евгеновой «змеборство» – «героическая борьба с чудовищем в образе змея» [10]. Народные мифы и легенды многих стран мира рассказывают о смельчаках-змеборцах, освобождающих города, жители которых страдают под властью жестоких драконов, напоминающих внешним видом огромного ящера и требующих в выкуп кровавых жертв.

В архаических мифологических системах многих народов мира одно из важнейших мест принадлежит змею (змее) или дракону, как дальнейшему развитию образа змея (основные признаки и мифологические мотивы, связывавшиеся с драконом, в главных чертах совпадают с теми, которые характеризовали мифологического змея).

Сказания о драконах и змеях существуют на всех континентах. Изображение дракона можно найти среди наскальных рисунков 25 000 летней давности, на них драконы чем-то напоминают карликовых мамонтов. Дракон присутствует в сказаниях китайцев провинции

Шаньси 8 000 года до Рождества Христова. Он преследовал шумеров и вавилонян, ему поклонялись ацтеки, его боялись кельты. Описания огромных летающих ящеров встречаются и у древних греков, и у шумеров. Упоминания о драконах постоянно появляются в исторических записях многих культур и народов мира.

Но змеборство появляется в разных культурах, не только европейских. Ближний Восток, Индия... В Китае драконы считались положительными героями. Именно этим обстоятельством обычно вызывается культурный шок, который испытывают китайские студенты при изучении русского фольклора, где змеев-драконов «безжалостно» истребляют.

Данный мотив (змеборство) встречается и в Латинской Америке: в культуре древнего Перу тоже имеются предания о драконах и борьбе с ними. В целом, в большинстве древних мифов образ дракона так или иначе ассоциируется с ключевыми принципами мироздания. Он практически всегда так или иначе связан с Солнцем и с циклом смены дня и ночи [13].

Таким образом, мы приходим к мысли о том, что змеборство – это своего рода архетип, который встречается в самых разных жанрах и типах словесности. А именно с архетипами связаны общие мотивы, извечные схемы и представления, лежащие «в основе любых художественных структур, но уже без обязательной связи с юнгианством как таковым» [1]. Архетипы, по мере того, как они становятся всё более отчетливыми, оказываются связанными с необычайно увлекательными темами и обретают свойства увлекать, впечатлять и вдохновлять, поскольку восходят к фундаментальным началам мироздания.

А вот олицетворение зла, воплощенного в облике большой рептилии, характерно исключительно для европейской цивилизации и арамейской культуры.

Если повнимательнее присмотреться к обильному и разнородному этнографическому материалу, сможем заметить, что сам мотив змеборства имеет явно доисторическое происхождение – доказательством этому служит хотя бы тот факт, что предания и сказки об единоборстве человека с драконом появляются почти во всех индоевропейских культурах и выглядят почти одинаково. С чудищем, похожим на змея, – с Пифоном, боролся уже греческий бог Аполлон, а мифический герой Геракл победил многоголовую лернейскую Гидру.

Старейшее упоминание о змеборстве найдем в Ветхом завете, в 14 главе Книги Даниила (Дан. 14, 23–29). О драконе упоминается также в Откровении св. Иоанна Богослова, где с чудовищем сражается

Архангел Михаил. Заметим, что в европейской культуре, в отличие, например, от китайской, где дракон – положительный персонаж, дракон всегда считался антигероем, чудищем, олицетворением зла и одновременно некоего животного начала, с которым борется – и которое в итоге побеждает – положительный герой. В этом контексте змеборство можем считать неким символическим отображением борьбы с мировым злом.

В настоящей статье мы попытаемся установить генезис и проследить развитие мотива змеборства в русской культуре, которая переняла его из Византии посредством житийной литературы, но в самом скором времени выработала и свои оригинальные варианты во главе с поистине необыкновенным памятником агиографической литературы XVI века, «Житием Петра и Февронии Муромских».

Для начала остановимся немного на обсуждении 14 главы Книги пророка Даниила, так как, как мы уже сказали, именно там в первый раз появляется интересующий нас мотив борьбы человека с драконом. Знаменательно, что в еврейском (в масаретской редакции I века нашей эры) тексте Книги Даниила данная глава вообще отсутствует, она известна только по alexсандрийскому переводу III века до нашей эры (Септуагинте, или версии 72 толковников) на греческий. Вопрос о наличии этого фрагмента в других версиях библейского текста, в т. ч. сирийской Пешите, эфиопских преданиях или в Свитках Мертвого моря, в пределах данной статьи мы не сможем разрешить. Отметим лишь те моменты, что непосредственно касаются нашей темы.

Данный факт (отсутствие 14 главы в Книге пророка Даниила) привел к тому, что, по мнению многих исследователей, оригинальность этой главы воспринималась спорной, тем более, что сам мотив змеборства считался сказочным. В протестантский вариант Священного писания она вообще не была включена. И большинство толкователей (включая самые известные св. Ефрема Сирина, сэра Исаака Ньютона, протоиерея Даниила Сысоева, а также известного российского библиста Андрея Десницкого) её не рассматривают.

Между тем появление мотива змеборства у пророка Даниила можно объяснить спецификой исторического контекста. Для древних иудеев тема змея и змеборства не типична. Но в Вавилонии (где и жил пророк) ситуация сложилась по-иному. Известные ворота под названием Иштар были построены царем Навуходоносором II, покровителем Даниила, могущественным правителем во время семидесятилетнего пленения израильтян. На этих воротах изображено пресмыкающееся животное с четырьмя лапами, которое так же, как и динозавры, стояло на задних лапах. И здесь наблюдается проникновение некоторых элементов индоевропейской культуры в семитскую.

О чём же идет речь в 14 главе и почему она так важна для нас? Именно там появляется Даниил, живущий в плену и у знаменитого Навуходоносора, ни у вавилонского царя-язычника Кира. Когда Кир велел Даниилу поклониться чтимому вавилонянами дракону, тот отказался, ссылаясь на то, что может поклониться только одному Богу, так как только Он является истинным: «Даниил сказал: Господу Богу моему поклоняюсь, потому что Он Бог живой. Но ты, царь, дай мне позволение, и я умерщвлю дракона без меча и жезла. Царь сказал: даю тебе. Тогда Даниил подготовил для дракона наживку: взял смолы, жира и волос, сварил это вместе и, сделав из этого ком, бросил его в пасть дракону, и дракон расселся. И сказал Даниил: вот ваши святыни!» (Дан. 14, 23–29). В данном контексте змей (дракон) выступает как «ложный» бог, то есть, как некий бес, демон. Отметим, что книга пророка Даниила пользовалась большой популярностью у христиан. Позже отметим, что она, возможно, повлияла на христианские предания и легенды о змеборстве.

В такой же роли выступает дракон и в Откровении св. Иоанна Богослова. Заметим в скобках, что в популярном в Польше предании о вавельском (краковском) драконе дракон этот был убит практически так же.

При этом здесь мы натываемся на ещё одну проблему – в переводах Библии на церковнославянский язык (а также в популярных и известных переводах Библии на польский, русский и, особенно, в пяти версиях, на украинский языки) слова змей и дракон употребляются как синонимы, так что не всегда понятно, что во всякий раз под ними подразумевается. Впрочем, о синонимичности этих понятий писали и авторы энциклопедии «Мифы народов мира».

Рассмотрим проявление мотива змеборства в индоевропейской мифологии. Отметим, что в финском эпосе «Калевала» он не встречается.

В британской литературе змеборчество представлено в поэме «Беовульф», созданной приблизительно в VIII в. н. э. Однако дошедший до нашего времени текст подвергся тщательной цензуре церкви. Это подтверждается тем, что значительно изменилась трактовка образов, типичных для германского народного творчества, произошла как бы некая мутация: чудовище Грендель (образ которого часто трактуется в виде дракона) называется потомком Каина, в повествование вводятся упоминания об описанных в Библии событиях, а сам Беовульф временами чуть ли проповедует (это скандинавский-то герой!).

Благодаря вмешательству монахов из поэмы «испарились» не только имена древних богов и их деяния, но и чуть ли не самая основная сюжетная линия, повествующая о взаимоотношениях человека и природы. Постройкой пиршественной залы и пьяным разгулом люди нарушили имевшийся естественный баланс, и природа в образе чудовища Гренделя стремилась его восстановить. Здесь Грендель – сила не только и не столько разрушительная, сколько сохраняющая баланс между человеком и природой, которая и донныне настойчиво напоминает, что с ней шутки плохи.

От позднейших исправлений свободна скандинавская «Сага о Вельсунгах», что объясняется тем, что в Исландии, откуда дошла до нас эта сага, отношения между язычеством и христианством были очень интересны тем, что они как бы слились воедино, и в то время, как в Европе католическая церковь расправлялась с «еретиками» огнем и мечом, в Исландии каждый верил, во что хотел, а епископы тщательнее записывали древние предания, причем без каких-либо искажений, и в этой связи нельзя не вспомнить двух достойных мужей – монаха Сегмунда Мудрого (1056–1133 гг.), составителя знаменитого сборника перлов скандинавского эпоса «Старшая Эдда», и епископа Бринйольфа Свейнсона, разыскавшего эту рукопись в 1643 году. Одним из наиболее ярких сюжетов саги является единоборство Сигурда и дракона Фафнира, причем из предыстории явствует, что дракон Фафнир – жертва не столько меча воина, сколько своей алчности и безволия: ведь драконом он был не по рождению, а превратился в него, когда преступным путем (убив собственного отца) стал обладателем проклятых сокровищ. Перед смертью Фафнир прозрел и стал советовать богатырю Сигурду не брать золото, предрекая в противном случае смерть богатыря. Этот дракон – пророк, наставляющий на стезю праведности и своими словами, и своею судьбой, в чём и заключается потаенный смысл этого предания.

Данная скандинавская сага имеет немецкого «двойника» – «Песню о Нибелунгах», более известную под названием «Гибель Нибелунгов». Немецкий вариант, несомненно, сильно проигрывает по сравнению со скандинавским: образы лишены особой глубины и трагичности, действие переносится в позднее средневековье, христианский бог сменяет асов-демиургов, а главный герой – Зигфрид – почти идентичен Сигурду, повторяет многие из его подвигов, и так же гибнет от предательства, как и его скандинавский прототип. Все эти недостатки объясняются тем, что с «Гибелью Нибелунгов» произошло то же, что и с «Беовульфом», попавшим в горнило цензуры.

Избежало этой участи известное (опять же скандинавское) предание о поединке бога грома Тора с мировым змеем; Тору было предсказано, что в последней битве они убьют друг друга, но он не хочет ждать, желая спасти мир от чудища, пусть даже ценой собственной жизни. Тор хотел пойти наперекор судьбе, но его план не удался из-за трусости помощника – Тор не смог убить мирового змея раньше установленного времени. Возможно, в этом предании в аллегорической форме излагается действие законов природы и мироздания: что предрешиено, то и сбудется, причем в точно установленный срок, не раньше и не позже.

Ни боги, ни люди не могут идти против предрешений рока – таков германский фатализм. Не о том ли гласит и предание о князе Олеге, принявшем, как известно, смерть от коня своего? Он ведь тоже хотел провести судьбу, но не смог – все сбылось, как и было предсказано, о чём гласит «Повесть временных лет», причем волю судьбы опять свершает змея. Можно твердо полагать, что это – достоверный исторический факт, однако не надо забывать и о том, что под личиной бесхитростных и зачастую фантастических преданий таится многовековая мудрость, бесцельно и преступно отвергаемая суетным миром.

Известный из древних мифов и Священного Писания мотив змеборства начинает появляться в житийной литературе первых веков христианства, что само по себе неудивительно, поскольку древнехристианская культура охотно перенимала античные жанры и мотивы.

Раскроем это положение подробнее и обратимся к классику филологической науки М. М. Бахтину. Ученый, как известно, занимался подробным изучением древнегреческого авантюрного романа и его византийских преемников. Согласно его исследованиям, многие схемы и мотивы из данного жанра (приключения двоих влюбленных, кораблекрушения, чудесное спасение, плен и тюрьма) перекочевали и в древнехристианскую литературу. Похоже обстояло дело и с интересующим нас мотивом змеборства, который прямо из эпоса перешел в христианскую агиографию [2].

И правда, обычно при анализе ранневизантийских житий отмечали сходство их сюжетов с античным романом. Так, в некоторых агиографических памятниках (жития святого Климента Первого, Папы Римского, святой Евгении, Евстафия Плакиды, Марии и Ксенофонта, Алексея, человека Божьего и других) мы встречаем и кораблекрушения, разрыв семей, сиротство, потом чудесное обретение родных, или наоборот, неузнавание родителями детей, а также побег из отчего

дома, путешествия в далекие земли, подлость интриг и так далее. «Преимственность эта известна, как известно и тяготение греков к таким сюжетам, а лучше сказать, к такому сюжету: оно переживало эпохи и жанры и беспрепятственно пронизало социальные страты – мало того, что «любовные романы» сочинялись и в Византии, некоторые жития (скажем, житие Евстафия Плакиды) по сюжетной схеме точь-в-точь «любовный роман» [16].

Иными словами, византийская житийная литература создавалась с учетом традиций, образов и схем, выработанных в светской традиции. Если генезис авантюрных сюжетов описан в филологических исследованиях, то змеборство практически не изучалось. А между тем не только классический греческий роман, но и народный эпос оказывал влияние на агиографию. А последняя в свою очередь была обусловлена спецификой эпохи, в которой она создавалась, оперируя, соответственно, теми же средствами для прославления новых героев, каким прославляли героев старых. А поскольку агиография – жанр консервативный, то её художественная специфика, хотя и отставала от новых эпох, все же сохранялась на протяжении более чем полутора тысяч лет.

Тема борьбы добра и зла, тема сокрушения демонических сил – один из повторяющихся элементов средневековой христианской иконографии. Формы этой иконографии многообразны. Самая известная борьба с драконом, дьявольским символом по преимуществу. Она сформирует ядро этого исследования. Но иногда приходится принимать во внимание родственные или символические сцены. Существуют, действительно, различные соответствия, а иногда и амальгамы между композициями средневековых художников.

Первым раннехристианским памятником, в котором появляется мотив змеборства, является «Жизнь пустынных Отцев» пресвитера Руфина (70-е годы IV века). Мы читаем там о некоем египетском старце Аммоне, сначала приручившим двух драконов, которые стали защищать его от разбойников, а потом силой молитвы «Да поразит Тебя Христос, Сын Божий», способной поразить еще более страшного зверя, умертвил другого змея, опустошавшего соседние местности и убивавшего людей.

Самым известным святым-змеборцем был, вне всякого сомнения, св. Георгий Победоносец, по сказаниям, спасший царевну Бейрута от змея. Как гласит предание, дракон опустошал земли местного языческого царя и требовал себе в жертву женщин. Когда пришла очередь отдать чудовищу на растерзание царскую дочь, появился Георгий на коне и поразил дракона копьём, тем самым избавив несчастную царевну от смерти. Чудо это – добавим, посмертное –

активно способствовало обращению местных жителей в христианство. В христианстве сказание св. Георгия о змее имеет иносказательное толкование, под царевной понимается церковь, а под змеем – язычество. Сделанный из греческого оригинала в XII веке славянский перевод Чуда св. Георгия о змее – один из памятников древнерусской литературы. Согласно преданию, святым-змееборцем был также св. Федор Тирон, спасший от змея свою мать.

Славянский вариант данного сказания тоже появился очень рано, на рубеже XI–XII веков, что свидетельствует о его популярности на Руси. Змееборство св. Георгия нашло отражение в иконописи – святой на коне поражает копьем лежащего у конских копыт дракона в виде большой, зеленой рептилии с длинным хвостом [14].

Что касается прижизненного змееборства, согласно преданию, змееборицей была преподобная Елизавета Константинопольская, игуменья, жившая в V в. Святая прославилась главным образом как целительница, хотя в её житии найдём и «змееборческий эпизод».

В найденном в XXI столетии древнем византийском житии (изданном сестрами московского Иоанновского монастыря) упоминается, что Елизавета убила «змея лютого», который мучил окрестных жителей: «Ужасный змей губил многих, проходивших вблизи, и сделал это место совершенно непроходимым для всех, отчего весь город был охвачен скорбью и отчаянием, не зная, где искать спасения от такого несчастья. Узнав об этом от кого-то, святая, движимая божественной ревностью, взяла оружие честного креста, пришла на это место и, подняв очи к небу и призвав помощь свыше, она окликнула зверя и заставила выйти, хоть и против воли, из своего логова». Сам процесс «убиения» монстра был описан довольно подробно: «Запечатлев его крестным знаменем, отчего его пасть наполнил ась пеной, она схватила его за голову, и поправ ногами, убила со словами: «На аспида и Василиса наступивши, и попереши льва и змия», сама, огражденная честным крестом. И таким образом, она полностью освободила жителей города от его вреда» [15]. Как видим, главное значение при убийении монстра имели молитва и крест, хотя от святой потребовалось и физическая сила. Но здесь, в древнем тексте, обстоятельства змееборства, описаны достаточно подробно; причем учитывается и гендерная специфика: 1) это единственный случай женского змееборства в агиографии; 2) Елизавета умерщвляет змея, ступая пятой ему на темя.

Змееборство – важный элемент жития священномученика Ипатия Гангрского, жившего на рубеже III и IV вв. На территории нынешней Турции. Согласно преданию, святой по просьбе византийского Императора Констанция прибыл в Константинополь, где убил змея, закрывавшего вход в царскую сокровищницу.

«При Констанции, воцарившемся после смерти брата своего Константина, к Царскому дворцу, неизвестно откуда, приполз очень большой змей. Окружив царскую сокровищницу, где лежало много золота и другого богатства, он положил голову при входе в эту комнату, и никому не давал войти в неё» [3, № 291]. Император, отрезанный от своей казны, вызвал Ипатия. Тот велел растопить печь среди конского ристалища, а сам пошёл к змею и, «подняв очи к небу и призвав на помощь Господа, вложил в пасть змею жезл со словами «Во имя Господа моего Иисуса Христа следуй за мной» [3, № 291]. Змей действительно пошёл за святым в печь и там сгорел. Ипатий, так же как и св. Елизавета, убил змея, главным образом, с помощью молитвы.

Не очень типичен случай Макария и Евгения, которые самостоятельно змея не убили, не вступили с ним даже в борьбу. Как пишет Дмитрий Ростовский, оба святые, преследуемые византийским императором Юлианом Отступником, были сосланы в Оасим, далекое поселение в Аравийской пустыни. Там Евгений и Макарий узнали от местных жителей, что в близлежащей пещере живёт страшный дракон и захотели его увидеть.

«Их привели к месту обитания змея, – пишет Дмитрий Ростовский, – и издали показали пещеру, где он находился. Тогда святые, преклонив колени, помолились Богу, и внезапно последовал с неба удар грома и поразил змея. Убитый змеем объят был пламенем и немедленно же сгорел, причём вместе с ним сгорел и песок, бывший в пещере, а над пещерою бурным, зловонным вихрем поднялась пыль. Увидев такое чудо, начальники страны, бывшие язычниками, уверовали во Христа» [3, № 172].

Здесь же, как видим, для убийства дракона святым Евгению и Макарию не потребовалось даже никаких физических усилий – молитвы было достаточно. Именно молитва – главное «оружие» всех святых змееборцев. Благодаря помощи Бога чудища тем или иным способом бываю умирщвлены.

Мотив змееборства очень характерен не только для агиографии, но и для рыцарского эпоса и его древнерусского варианта – былины. В известнейшей англосаксонской поэме «Беовульф», датируемой VII–VIII вв., главный герой является змееборцем, освободившим страну от опустошавшего её дракона, но сам в сражении с чудищем смертельную рану получившим. Змееборцем был и Зигфрид (Сигурд), один из важнейших персонажей германо-скандинавской мифологии, герой эпоса конца XII – начала XIII вв. «Песня о Нибелунгах». Обмазавшись кровью побежденного дракона, Зигфрид приобрел неуязвимость, однако небольшой участок спины остался незащищенным. Именно в это место и поразил Зигфрида предатель Хаген.

Драконов побеждали и три древнерусских богатыря – герои народного фольклора, Алеша Попович, Добрыня Никитич и Илья Муромец. Первый из них победил грозного Змея Горыныча, второй – Тугарина змея. Литературовед-фольклорист, Всеволод Миллер в своей работе, посвященной былевому эпосу выдвигает гипотезу, что в народных сказаниях подвиг какого-либо исторического лица нередко облачается в фантастическую оболочку и считает, что во многих былинах, в том числе и в былине о Добрыне Никитиче, змей может являться символом сокрушенного язычества [12, 122].

Добавим, что такая интерпретация является абсолютно сходной с интерпретацией Чуда св. Георгия о змее. Мотив змеборства – борьбы с вавельским драконом – появляется и на рубеже XII–XIII вв. в польской летописи, которую написал Винценцы Кадлубек, и получает развитие в летописи Яна Длугоша (XV в.), однако там змеборцем является краковский князь Крак, скормивший чудовищу ягненка, начиненного смолой. «Однако, когда это стало более утомительным для князя, чем для жителей, которые боялись, чтобы после его смерти город не стал пустым, велел наполнить серой, трупой, воском, канифолью и смолой трупы животных, зажечь огнем и так бросить монстру, который с обычной для него прожорливостью проглотил их, сразу пал и умер от огня и пламени, охвативших его внутренности»¹ [4, 189], – пишет Длугош. Здесь можно заметить явную параллель с историей Ветхозаветного Даниила, тоже накормившего дракона смертоносной серой. Однако характер этой параллели (генетический, что вполне возможно, ведь латинский перевод Библии мог быть знаком Яну Длугошу), или типологический (т. н. «бродячий сюжет») в рамках данной статьи не представляется возможным полностью описать.

Мотив дракона и змеборства очень интересно показан в уже упомянутом нами необычном памятнике русской агиографической литературы XVI века – фантастично-сказочном «Житии Петра и Февронии Муромских» Ермолая-Еразма. Это, заметим, очень нетипичное житие начинается с упоминания о князе Муроме Павле, к жене которого регулярно являлся бес-змей под видом её мужа: «Дьявол же, искони ненавидящий род человеческого, сделал так, что злой на самом деле, а приходящим людям представлялось, будто крылатый змей стал летать к жене того князя на блуд. И, волшебством своим, перед ней он являлся таким, будто бы сам князь сидит со своей женой» [5, 630], – писал Ермолай-Еразм. Далее автор жития

---

¹Lecz, gdy to stało się bardziej uciążliwe dla księcia niż dla mieszkańców, który obawiając się, by po jego śmierci całkiem nie opustoszało miasto, rozkazał ścierwa rzucane smokowi wypełniać siarką, próchnem, woskiem, żywicą i smołą, zażec ogniem i tak rzucić bestii, która ze zwykłą jej żarłocznością pochłonawszy je, od żaru i płomieni trawiących jej wewnątrz od razu padła i zginęła.

рассказывает о том, как князь узнал о змее-обманщике: «Долго продолжалось такое наваждение. Жена же этого не скрывала и рассказала обо всем, что с ней произошло, князю, мужу своему. А злой змей силой овладел ею. Князь стал думать, как поступить со змеем, но был в недоумении» [5, 630]. Павел, наконец, решился на хитрость и подговорил супругу, чтобы та в свою очередь расспросила монстра, каким образом можно его убить.

«Смерть мне суждена от Петрова плеча и от Агрикова меча» [5, 630], – сказал дракон княгине. Потом в житии речь идет о том, как брат князя, Петр, ищет Агриков меч и, вооруженный им, убивает змея: «И, взяв меч, называемый Агриковым, пришел он в покои к снохе своей и увидел змея в образе брата своего, но, твердо уверившись в том, что не брат это его, а коварный змей, ударил его мечом» [5, 631]. В этот момент история самого Петра только начинается, так как умирающий дракон обрызгал князя кровью, приведя к тяжелой болезни: «Змей же, обратившись в свое естественное обличье, затрепетал и умер, и обрызгал он блаженного князя Петра своей кровью. Петр же от зловредной той крови покрылся струпами, и появились на теле его язвы, и охватила его тяжкая болезнь. И пытался он у многих врачей во владениях своих найти исцеление, но ни один не вылечил его» [5, 632]. От язв вылечила князя Петра только крестьянка Феврония, его будущая жена.

Как видим, в «Повести о Петре и Февронии» мы сталкиваемся с исключительно интересной трактовкой темы. Представление об огненном змее – нечистом духе, который способен принимать то вид дракона, то человека и соблазнять женщин, находим в восточнославянских легендах. Согласно им, змий является тем женщинам, которые нарушали запрет сильно горевать по умершему мужу или тосковать по нём, если находился в отлучке. Змий также получал доступ к женщине, потерявшей невинность до брака [9]. Здесь сталкиваемся с не имевшей аналогии имплементацией того же легендарного мотива в агнографической литературе. Добавим также, что «Повесть о Петре и Февронии Муромских» была написана по заказу митрополита Макария, однако из-за «исключительной легендарности» (в том числе и из-за появлявшегося там мотива дракона) в Великие Четьи-Минеи это житие не было включено.

Начиная с XVI в. в европейской, в том числе и в русской, литературе наблюдается значительное снижение популярности данного мотива. В связи с развитием рационализма данный мотив или удаляется вообще, или уходит на более дальний план. В житиях в редакции св. Дмитрия Ростовского упоминания о змеборстве святых намеренно вытесняются.

О святой Елизавете Дмитрий Ростовский пишет, что «совершала и многие чудеса: однажды она умертвила молитвою свирепого змея» [3, № 367]; а в его же редакции жития Петра и Февронии вообще ни разу не упоминается о змее. Впрочем, о змееборстве Ипатия Гангрского, св. Евгения, Макария и св. Георгия Победоносца у святителя упоминается более пространно.

Появление мотива змееборства, довольно частотного в житийной литературе (от ранне-византийского автора пресвитера Руфина до нашего соотечественника, святителя Дмитрия Ростовского), можно объяснить рядом причин: 1) символическим (архетипическим) отображением борьбы добра и зла; 2) гиперболой: расширением и преувеличением реальной борьбы человека с хищными животными и пресмыкающимися, сильно приукрашенным народной фантазией. Ведь и в Библии (эпизоды с юным Давидом, а также пророком Даниилом) описана реальная борьба со львами, обитавшими в Палестине вплоть до пятого века до нашей эры, когда их окончательно истребили.

Мы в основном проанализировали мотив змееборства по житиям, составленным Димитрием Ростовским, автором актуальной по сей день энциклопедии вселенской святости. Относительно же мотива змееборства можно предположить следующее: с одной стороны, красочная борьба с драконами, символизирующая противостояние добра и зла, укладывалась в нормы поэтики барокко, в рамки художественного метода составителя. И традиция тоже тому же способствовала. Невозможно было написать о св. Георгии, не упомянув о змееборстве. С другой стороны, в петровскую эпоху, когда значительно расширилось представление об окружающем мире, змеи и драконы переставали быть актуальными. Святитель Дмитрий Ростовский, скорее всего, балансировал между обеими тенденциями. Возможно, часть материалов ему не была доступна. Поэтому в некоторых житиях (святых Елизаветы, Евгения и Макария) он кратко упоминает о борьбе с чудовищами. Но исследование творческой эволюции святителя (в том числе и в ракурсе интерпретации им мотива змееборства) не входит в задачи нашей статьи.

Мотив змееборства, подзабытый в XVIII и XIX в. (хотя исследователи замечают его отражения в эпоху романтизма, в творчестве А. К. Толстого [16]), с новой силой заявляет о себе в XX столетии.

В начале столетия А. М. Ремизов пишет свою довольно оригинальную версию «Повести о Петре и Февронии Муромских». В его переделке повести безымянная у Ермолая-Еразма жена Павла, княгиня получает имя «Ольга». Писатель-серебряновечник тщательно разрабатывает также и психологический портрет Ольги – несчастной и нелюбимой женщины, которая страдает в одиночестве во время многочисленных поездок мужа-князя. Именно из-за невнимательности

и равнодушия супруга Ольга поддалась уговорам змея-обольстителя. А. М. Ремизов добавляет в сказание нового персонажа – «Божьего человека», Ласку, который всегда говорит всем правду в глаза. Князь Павел, держащий злость и обиду на жену за измену со змеем, встречает в лесу Ласку и спрашивает его, как ему дальше быть с княгиней:

«Надо ей на волю, сказал Ласка, она у тебя в темнице. Ты ее возьми с собой.

– Не в обычай, – сказал Павел, – да ей и дома не на что жаловаться: сад у ней и пруд, бобры и лебеди.

– Воли нет.

– А что ты знаешь о огненном Змее.

– Огненный Змей летит на тоску. Белые крылья, зеленые у Дракона, и сам как листья зеленый, Егорий Храбрый его на иконах в брюхо копьём проткнул» [18, 522].

В редакции Ремизова Ольга была действительно настолько несчастной в браке, что не перенесла смерти любовника-змея, и когда Петр убил монстра, она захлебнулась его кровью.

А. М. Ремизов отнюдь не был единственным писателем начала века, который в своих произведениях использовал мотив змеборства. Ученые пишут о его влиянии, например, на творчество И. С. Шмелева [7]. Очень интересной является трактовка мотива змеборства – как борьбы с тоталитаризмом – в известной пьесе-причте Евгения Львовича Шварца «Дракон» (1942–1944) и в ещё более известном фильме Марка Захарова «Убить дракона», снятом по мотивам этой же пьесы.

Над созданием пьесы Шварц трудился с 1942 по 1944 год, находясь в эвакуации в Сталинабаде. Сюжет пьесы такой: странствующий рыцарь Ланцелот, дальний потомок сэра Ланцелота из артурианских легенд случайно попадает в город, в котором правит жестокий Дракон.

Все убеждения, которые озвучивали отдельные жители государства, куда забрел странствующий Ланцелот, были вложены в их головы Драконом. У людей не осталось своего мнения, своих мыслей.

Жители города каждый год должны были дать в жертву дракону невинную девушку (здесь очень явная аллюзия на житие св. Георгия Победоносца). К огромному удивлению Ланцелота оказывается, что большинство горожан смирились с этим фактом: местный архивариус объясняет ему даже, что это местная традиция, которой больше четырёхсот лет... Тем временем в городе начинается хаос и анархия. Постепенно устанавливаются новые порядки, герой не намерен позволить чудовищу уничтожить очередную жертву – он, как истинный рыцарь, вызывает Дракона на дуэль. Он побеждает чудовище, но победу над Драконом присваивает себе местный бургомистр.

Хотя Ланцелот пробует объяснить жителям, что смерть Дракона сама по себе не имеет никакого значения и каждый должен еще убить Дракона в себе, в своей душе, они его не понимают и начинают считать своим правителем и господином. Драконы не живут там, где их нет и в помине, то есть в головах людей. И это значит, некоторые люди даже и недостойны быть без драконов, не достойны быть сами по себе. Ведь вспомните, что происходит после того, как Ланцелот убивает «ящера»? Начинается разгул и бесчинство людей. Эти люди не достойны быть сами по себе и жить, как им заблагорасудится, и судьба преподносит им «подарок» – еще одного Дракона. Не за это боролся храбрый змеборец. Он уходит из города, а по дороге встречает... убитого им Дракона, который играет с местными детьми.

Помимо темы конфликта диктатуры государства, общества с индивидуальностью раскрыта тема более глубокого и древнего конфликта – добра со злом, правды с заблуждениями, свободы воли с рабством страха, силы морали со смрадом подлости. Недаром посыл Ланцелота к несчастным рабам – «Убить дракона в себе! Свобода от диктатора» – не имеет смысла, ведь злобный диктатор внутри них. Рассматривая фильм Марка Захарова в христианском контексте, можно заметить, что Дракон-Звероящер имеет все характеристики Сатаны. Да и к тому же в фильме присутствуют как явные христианские символы – молитва, лики святых, так и менее явные – свет божественный (когда Ланцелоту выключают свет, а он уходит от тьмы) и свет дьявольский (действия Дракона сопровождаются ослепительным светом, к слову, *lucifer* – «светоносный»). Да и сам Ланцелот похож на святого мученика – все надеются на спасение от него, но запуганное большинство клеветает и сторонится героя. А битва рыцаря и Дракона на небесах показывает то, что перед нами извечная борьба света и мрака. То есть в эпоху глухого госатеизма в произведении проявились именно классические христианские мотивы и миропонимание.

Аллегии можно истолковать и в социально-историческом ключе: город, погрязший в трясине, – это СССР; Дракон – это компартия; а добрый рыцарь Ланцелот – это интеллигенция, лишь одна знает, как вывести народ к свету демократии. Забыв, правда, спросить народ – а нуждается ли народ в этом?

То есть тут вновь мы наблюдаем символичность мотива как отображения борьбы со злом. Пьеса-причта Шварца направлена не только против сталинизма, свидетелем которого был сам автор, но и против любого тоталитаризма. Змей-дракон выступает в ней в традиционной роли символа зла, но зло это является не только внешним, но и внутренним [20]. И борьба с ним носит не социальный, а аскетический характер.

Но только *конец XX – начало XXI вв. приносит полную переоценку мотива дракона и змеборства*. В массовой культуре (прежде всего, в кинематографии) складывается новый образ змея – он уже не кровожадное чудовище и не олицетворение зла, но симпатичный, даже немного забавный монстр. То есть отношение и восприятие драконов перевернулось на 180 градусов, или вернулось к тем древним временам, когда их воспринимали как положительных персонажей.

В старой-новой трактовке дракон не только не мешает, но зачастую даже помогает героям. Этот образ популяризовала прежде всего детская литература.

Одним из первых, кто предпринял попытку переосмыслить давний образ, является польский детский писатель, Станислав Пагачевский (1916–1984). Пагачевский в конце 60-х годов издал трилогию о приключениях профессора Бальтазара Гомпки («Похищение Бальтазара Гомпки» (польск. „Porwanie Baltazara Gąbki”), «Экспедиция профессора Гомпки» (польск. „Wyprawa profesora Gąbki”) и «Гомпка и летающие тарелки» (польск. „Gąbka i latające talerze»), которая в самом скором времени вошла в классику детской литературы. Одним из главных героев трилогии является Вавельский Дракон (Smok Wawelski), который по просьбе краковского князя Крака возглавил экспедицию в Страну Дождевиков, чтобы найти пропавшего без вести биолога, Бальтазара Гомпку. Дракон – самый симпатичный, спокойный и ответственный из героев Пагачевского, на него всегда можно рассчитывать. На основании цикла Пагачевского в 1969–1980 гг. в Польше было снято два мультипликационных сериала по 13 серий каждый: «Похищение Бальтазара Гомпки» и «Экспедиция профессора Гомпки», которые еще больше популяризовали новый образ „Вавельского Дракона”, так в Польше, как и в мире. О драконах речь идет и в другом романе Пагачевского – «Приключение на Родосе» (польск. „Przygoda na Rodos”).

Полное переосмысление мотива дракона – как и многих других сказочных мотивов – дает также изданный в 1990 г. иллюстрированный рассказ «Шрек» (англ. „Shrek”) американского детского писателя Уильяма Стейга, который в 2001 г. был экранизирован американской анимационной киностудией Dreamworks Pictures. В этом, сильно постмодернистском, мультфильме очень много интертекстуальных ссылок [8], в их числе есть и интересующий нас мотив змеборства. Главный герой рассказа, зеленый огр Шрек, вместе с говорящим Ослом по приказу лорда Фауада должен освободить из охраняемой драконом башни его будущую невесту, принцессу Фиону. Шрек и Осел отправляются к замку, огр надевает шлем и наплечники, оставшиеся от убитых драконом рыцарей. Появившийся внезапно дракон взмахом хвоста забрасывает Шрека в башню и остается наедине с Ослом.

Е. В. Никольский, Д. Вальчак

Оказывается, что это не дракон, а Дракониша, которая влюбляется в Осла. Осел, правда, коварно садит Драконишу на цепь и убегает из замка вместе со Шреком и Фионой, но, тем не менее, в конце рассказа Осел и Дракониша мирятся, и Дракониша соглашается помочь Ослу и Шреку отбить Фиону у Лорда Фаркуада. Странная семейная пара – Осел и Дракониша – появляется и во второй и третьей части «Шрека», уже как родители шестерых маленьких драконо-осликов.

Создатели «Шрека» сняли потом три серии фильма «Как приручить дракона» (англ. „How to Train Your Dragon”, первая часть – 2010 г.), в котором герои, сперва борющиеся с драконами, начинают жить с ними в мире и согласии.

С подобным пародийным переосмыслением мотива мы встречаемся потом и в русской культуре, в российском цикле полнометражных мультипликационных фильмов, повествующих о приключениях трех самых известных русских богатырей – Алёши Поповича, Добрыни Никитича и Ильи Муромца. Осенью 2008 года был выпущен сборник первых трёх частей от концерна «Союз». Начиная с 2010 года, фильмы этой серии стали выходить по одному в год. И мультфильм «Добрыня Никитич и Змей Горыныч» продолжил и развил занятную традицию веселого «осовременивания» старых сюжетов. Так, одним из героев цикла является лучший друг Добрыни Никитича, Змей Горыныч. Сюжет данного мультфильма весьма очевидный. Из Киева «выкрали» принцессу, и великий князь послал своего самого сильного богатыря «наказать» мошенников. Миссия перед Добрыней стоит непростая: необходимо спасти княжескую племянницу Забаву из лап «лютого» Змея Горыныча. Он абсолютно нестрашен, скорее смешон и немного глуповат, хотя в то же время добр и гостеприимен. У Змея Горыныча три головы, которые беспрестанно ссорятся друг с другом. Вместо того, чтобы бороться с богатырями не на жизнь, а на смерть, Горыныч помогает им остановить захват власти купцом Колываном. Змей Горыныч, проигравшийся Колывану (о, значительная фигура!) и умыкнувший Забаву, вызывает смех и сочувствие, особенно, когда расплачивается за свое предательство.

В следующих сериях герои используют Горыныча в качестве средства передвижения, например, для путешествия в Египет. В мультфильме упоминается о том, что у Змея есть родственники в Китае, где он сам какое-то время служил Священным Драконом в местном монастыре.

Интересный пример переосмысления мотива змеборства в попкультуре – российская фэнтезийная мелодрама «Он – дракон» Индара Джендубаева, снятая в 2015 г. по мотивам романа Сергея и Марины Дяченко «Ритуал». Сюжет фильма разворачивается в условном средневековом русском городке. В начале фильма узнаем,

что издревле на земле обитали драконы, которым жители приносили в жертву молодых девушек. Жених одной из жертв отправился спасать её, но оказалось слишком поздно: девушка погибла. Убийцу дракона начали называть Драконоборцем, а древний ритуал – приносить девушек в жертву дракону – стал частью свадебного ритуала.

Много лет спустя княжна Мира выходит замуж за Игоря, внука Драконоборца. Во время ритуальной песни дракон действительно появился и унес невесту. Мира оказалась пленницей на небольшом острове, где знакомится со странным юношей, не знавшим своего имени. Мира сперва думает, что её новый знакомый – она начинает называть его Арман – тоже пленник дракона, но вскоре оказывается, что он сам и есть похитивший её дракон. Хотя он внешне похож на человека, иногда превращается в дракона и в эти моменты не может себя контролировать. Мира, узнав печальную историю жизни Армана, решается остаться с ним на острове. В конце фильма зрители узнают, что герои живут дружно и спокойно, у них родилась дочь.

Подобные примеры можно было бы множить – книг и фильмов, переосмысливающих мотив дракона и змеборства, найдется неисчислимое количество. Отчасти эту переоценку можно связывать с развитием постмодернизма и его главными установками.

У мотива змеборства огромное количество значений, но в основном их можно разделить на две основных группы. Во-первых, это борьба с единым злом в лице змея [6, 656], а во-вторых, борьба с чужими народами, коих олицетворяет змей.

В странах Африки есть большое количество племен, поклоняющихся большим змеям – варанам. Кажется очень возможным, что *произошла гиперболизация и в сознании* посещавших Африку европейцев – вараны превратились в драконов. Очень возможно также, что появление легенд и преданий о драконах косвенно связано с динозаврами. Люди часто находили кости и целые скелеты огромных рептилий и, не исключено, принимали их за кости драконов. Довольно часто их находили в пещерах и скалистых местностях, где по геологическим причинам, били гейзеры и горячие источники, а температура была значительно выше, чем на земной поверхности, это, в свою очередь, могло привести к появлению мотива огненного дыхания, или извержения пламени.

Такая версия события появляется уже в «Фараоне» польского автора Болеслава Пруса (1895), повторяется, например, в «Лилее» (2006) русской писательницы Елены Чудиновой. В её романе речь идет о Российской империи в период правления Екатерины Великой, а также о сопредельных территориях, в частности Алтае, где герой, отец Модест, находит кости доисторической рептилии и воспринимает их как останки дракона. Такое представление было

вполне адекватным для его времени, пока не были свершены эпохальные открытия в естествознании.

В частности, серьезное изучение динозавров начинается только в XIX веке (начиная с 1830-х годов), его развитие связано с распространением теории эволюции Чарльза Дарвина. А общедоступной информация о них становится только в конце столетия. Отражением этой тенденции стала также художественная литература. Так, в 1912 г. вышел в свет известный роман Артура Конан Дойля «Затерянный мир» (англ. „The Lost World”), герои которого в Южной Америке встречаются с выжившими там динозаврами. «Затерянный мир» пользовался огромной популярностью (он был экранизирован уже в 1920-е годы) и сильно повлиял на распространение знаний о динозаврах среди широкого круга читателей и зрителей. У английского метра авантюрного-фантастического романа, как мы помним, речь шла о совместном существовании людей и динозавров. Интересны образы драконов в популярнейшем «историко»-фэнтезийном сериале «Игра престолов». Но это красивая сказка для взрослых, поучительная, но все же сказка.

Хотя и сейчас мы можем столкнуться с совершенно антинаучными мнениями о том, что драконы – это не вымершие динозавры, которые жили одновременно с людьми. Хотя бы в допотопные времена, возможно, потому, что те могли не поместиться в Ноев Ковчег, или почти полностью вымереть после глобального наводнения из-за изменения климата.

Именно так утверждает священник Тимофей, автор книги «Православное мировоззрение и современное естествознание» [19], а также депутат в парламент ЕС от Республики Польша, Мацей Гертых. Последний на пресс-конференции в 2006 г. утверждал, что динозавры жили одновременно с людьми. «Исследования подтверждают факт, что динозавры жили одновременно с людьми. Изю всех культур к нам поступает информация, что мы их помним. Шотландцы помнят монстра из Лох-Несса, мы [поляки – *Е. Н., Д. В.*] – Вавельского дракона, а Марко Поло писал о том, что в Китае дракон тянул императорскую карету»¹ [11], – говорил тогда Гертых. Абсурдность ситуации усугубляет факт, что Мацей Гертых вовсе не полуграмотный человек, а... профессор, доктор биологических наук.

Это обстоятельство можно объяснить тем, что оба автора следуют распространённой среди православных и протестантских (а порою и католических) фундаменталистов идее т. н. «младоземельного креационизма» (пара-научной и пара-

---

¹ Badania pokazują, że dinozaury były współczesne ludziom. Ze wszystkich kultur docierają informacje, że je pamiętamy. Szkoci – potwora z Loch Ness, my – smoka wawelskiego, a Marco Polo pisał, że smok był zaprzężony do karety cesarskiej w Chinach.

христианской доктрины о том, что якобы Земля существует 7500 лет, или и того меньше). То есть в их «системе координат» реальным становится почти конандойлевская сказка, а «фантастическим» серьезное, как естественнонаучное, так и богословское (в свете идей Тейярда де Шардена) осмысление истории жизни на Земле.

Но, несмотря на всю очевидную антинаучность (и даже богословскую несуразность) высказывании свящ. Тимофея и М. Гертыха, их наличие тоже является косвенным свидетельством того, что мотив дракона и змеборства имеет большое значение для мировой культуры. Он все еще вызывает эмоции и будоражит умы. Поэтому возможны иные варианты и развитие этого архетипического мотива, как в религиозной, так и в светской литературе.

Литература

1. Аверинцев С. С. Архетипы // Мифы народов мира. Москва: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 1. С.110.

2. Бахтин М.М. Хронотоп. Греческий роман [Электронный источник] М. М. Бахтин. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/bahtin-hronotop/grecheskij-roman.htm> (дата обращения: 10.03.2020).

3. Дмитрий Ростовский. Жития святых [Электронный источник] Дмитрий Ростовский. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/ (дата обращения: 10.03.2020).

4. Długosz J. Jana Długosza Roczniki, czyli kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Księga pierwsza. Księga druga do 1038 [Jan Długosz Annals, or the chronicles of the famous Kingdom of Poland. Book one. Book two – to 1038]. Przeł. S. Gawęda. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. 2009. 448 s.

5. Ермолай-Еразм. Повесть о Петре и Февронии Муромских // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. Сост. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. Москва: Художественная литература, 1984. С. 626–663.

6. Золотова Т. А., Трофимов Г. А., Чуракова Н. И. Основной миф и его отражение в фольклоре и массовой литературе // Фундаментальные исследования. 2014. № 3-3. С. 651–657.

7. Кияшко Л. Н. Чудо Георгия о змие в прозе И. Шмелева (повесть „Неупиваемая чаша“) // Мир русского слова. 2012. № 2. С. 68–73.

8. A List of Spoofs and References in PDI/DreamWorks Animated Shrek [Электронный источник]. URL: <http://www.digitalmediafx.com/Shrek/shrekfeature07.html> (дата обращения: 10.03.2020).

9. Лызлова А. С. Фольклорный мотив похищения женщины змеем в литературной традиции // Проблемы исторической поэтики. 2008. № 8. С. 51–62.

10. Малый академический словарь. Ред. А.П. Евгеньева. Москва: Институт русского языка Академии наук СССР. 1957–1984.

11. Maciej Giertych: Dinozaury żyły w czasach ludzi [Электронный ресурс] М. Giertych. URL: <https://wyborcza.pl/1,76842,3696597.html> (дата обращения: 10.03.2020).

12. Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былевой эпос. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 398 с.

13. Пасечник В. В. Змееборство как космогонический аспект иранской мифологии // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2010. № 3. С. 84–90.

14. Пасеева А. И. Образ змея в творчестве А. К. Толстого и А. Н. Толстого // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2018. № 6. С. 180–186.

15. Преподобная Елизавета, чудотворица Константинопольская. [Электронный источник]. Преподобная Елизавета. URL: <http://ioannpredtecha.ru/2014/11/18/prepodobnaya-elizaveta-chudotvorica-igumeniya-konstantinopolskaya/> (дата обращения: 10.03.2020).

16. Рабинович Е. Г. О происхождении некоторых повествовательных тенденций древней и новой литературы (предварительные замечания) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2008. № XII. С. 371–378.

17. Регинская Н. В. Образ Святого Георгия Победоносца в примитивной иконописи // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2009. Т. 184. С. 218–235.

18. Ремизов А. М. О Петре и Февронии Муромских // Ремизов А. М. Собрание сочинений: в 10 т. Москва: Русская книга, 2000–2003. Т. 6. С. 519–538.

19. Тимофей, свящ. Православное мировоззрение и современное естествознание [Электронный ресурс] Свящ. Тимофей. URL: <https://www.e-reading-lib.com/chapter.php/51035/128/pravoslavnoe-mirovozzrenie-i-sovremennoe-estestvoznanie.html> (дата обращения: 10.03.2020).

20. Хорькова М. Убить дракона... в себе. О пьесе Евгения Шварца «Дракон» // Татьяна день. 2007. 29 марта. [Электронный источник]. URL: <http://www.taday.ru/text/30933.html>

REFERENCES

1. Averintsev S.S. Arkhetipy [Archetypes] // Mify narodov mira [Myths of peoples of the world]. T.1. Mosco, 1980. Pp. 110.

2. Bakhtin M. M. Khronotop. Grecheskiy roman [Chronotope. Greek novel [Elektronnyu istochnik] M. M. Bakhtin. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/bakhtin-hronotop/grecheskiy-roman.htm> (accessed: 10.03.2020).

3. Dimitriy Rostovskiy. Zhitiya svyatykh [Lives of the Saints [Elektronnyy istochnik] Dmitriy Rostovskiy. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/ (accessed: 10.03.2020).

4. Długosz J. Jana Długosza Roczniki, czyli kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Księga pierwsza. Księga druga do 1038. Transl. S. Gawęda. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. 2009. 448 p.

5. Yermolay-Yerazm. Povest' o Petre i Fevronii Muromskikh [The Tale of Peter and Fevronia of Murom] // Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets XV – pervaya polovina XVI veka [Monuments of Literature of Ancient Russia. The end of the XV – the first half of the XVI century]. Ed. L. A. Dmitriyev, D. S. Likhachev. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1984. Pp. 626–663.

6. Zolotova T. A., Trofimov G. A., Churakova N. I. Osnovnoy mif i yego otrazheniye v folklore i massovoy literature [The main myth and its reflection in folklore and mass literature] // Fundamental'nyye issledovaniya [Fundamental Researches]. 2014. № 3-3. Pp. 651–657.

7. Kiyashko L. N. Chudo Georgiya o zmiye v proze I. Shmeleva (povest' „Neupivayemaya chasha”) [The miracle of George about the serpent in I. Shmelev's prose (the story “Inexpressible Chalice”) // Mir russkikh slov [The world of Russian words]. 2012. № 2. Pp. 68–73.

8. A List of Spoofs and References in PDI/DreamWorks Animated Shrek [Elektronnyy istochnik]. URL: <http://www.digitalmediafx.com/Shrek/shrekfeature07.html> (accessed: 10.03.2020).

9. Lyzlova A.S. Folklornyy motiv pokhishcheniya zhenshchiny zmeyem v literaturnoy traditsii [The folklore motif of abducting a woman by a dragon in a literary tradition] // Problemy istoricheskoy poetiki [Problems of historical poetics]. 2008. № 8. Pp. 51–62.

10. Malyy akademicheskyy slovar' [A small academic dictionary]. – Ed. A.P. Yevgen'yeva. Moscow: Institut russkogo yazyka Akademii nauk SSSR. 1957–1984.

11. Maciej Giertych: Dinozaury żyły w czasach ludzi [Maciej Giertych: Dinosaurs lived in human Times]. [Elektronnyy resurs] M. Giertych. URL: <https://wyborcza.pl/1,76842,3696597.html> (accessed: 10.03.2020).

12. Miller V. F. Ocherki russkoy narodnoy slovesnosti. Bylevoy epos [Essays on Russian folk literature. Old epic]. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt, 2019. 398 p.

13. Pasechnik V. V. Zmeyerborstvo kak kosmogonicheskiy aspekt iranskoj mifologii // Vestnik Altayskoy gosudarstvennoy pedagogicheskoy akademii [Bulletin of the Altai State Pedagogical Academy]. 2010. № 3. Pp. 84–90.

14. Paseyeva, A.I. Obraz zmeya v tvorchestve A. K. Tolstogo i A. N. Tolstogo [The image of a dragon in the works of A. K. Tolstoy and A. N. Tolstoy] // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal Kontsept [Scientific and methodological electronic journal Concept]. 2018. № 6. Pp. 180–186.

15. Prepodobnaya Yelizaveta, chudotvoritsa Konstantinopol'skaya. [Elektronnyy istochnik]. Prepodobnaya Yelizaveta. URL: <http://ioannpredtecha.ru/2014/11/18/prepodobnaya-elizaveta-chudotvorica-igumeniya-konstantinopolskaya/> (accessed: 10.03.2020).

16. Rabinovich Ye. G. O proiskhozhdenii nekotorykh povestvovatel'nykh tendentsiy drevney i novoy literatury (predvaritel'nyye zamechaniya) [On the origin of some narrative trends of ancient and new literature (preliminary remarks)] // Indoyevropeyskoye yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]. 2008. № XII. Pp. 371–378.

17. Reginskaya N. V. Obraz Svyatogo Georgiya Pobedonosta v primitivnoy ikonopisi [The image of St. George in primitive icon painting] // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Works of St. Petersburg State University of Culture and Arts]. 2009. T. 184. Pp. 218–235.

18. Remizov A.M. O Petre i Fevronii Muromskikh [About Peter and Fevronia of Murom] // Remizov A. M. Sobraniye sochineniy v desyati tomakh [Collected works in ten volumes]. Moscow: Russkaya kniga, 2000–2003. Vol. 6. Pp. 519–538.

19. Timofey svyashch. Pravoslavnoye mirovvozzreniye i sovremennoye yestestvoznaniye [Orthodox worldview and modern science]. [Elektronnyy resurs] Svyashch. Timofey. URL: <https://www.e-reading-lib.com/chapter.php/51035/128/pravoslavnoe-mirovvozzrenie-i-sovremennoe-estestvoznaniye.html> (accessed: 10.03.2020).

20. Khor'kova M. Ubit' drakona... v sebe. O p'yese Yevgeniya Shvartsa «Drakon» [Kill the dragon ... in yourself. On the play of Eugene Schwartz's "Dragon"] // Tat'yanin den'. 2007. 29 marta. [Elektronnyy istochnik]. URL: <http://www.taday.ru/text/30933.html> (accessed: 10.03.2020).

THE PERSONIFICATION OF EVIL?

THE MOTIF OF DRAGON-FIGHTING IN RUSSIAN CULTURE

E. V. Nikolsky

Doctor of Philology (Dr. hab.), Professor, Doctor of Theology, Master of Religious Studies, Expert of the Scientific and Publishing Council for the Publication of the Full Collection of the Works by St. Theophan the Recluse, Avgustyn Voloshyn Carpathian University (Uzhhorod, Ukraine)

D. Walczak

Master of History, Master of Art History, Master of Philology,
PhD Student at the Faculty of History, University of Warsaw
(Warsaw, Poland)

The eternal struggle between the good and the evil has worried mankind since time immemorial and was one of the main topics in the oral tradition and fiction. For the most part, the evil was allegorically depicted as a terrible serpent or a dragon. While Christianity tended to be hostile towards creeping reptiles, snakes and dragons were not purely negative characters in the era of ancient Germanic peoples, and the struggle of gods and heroes with these reptiles had a deeper meaning than an ordinary single combat.

If we take a closer look at the abundant and heterogeneous ethnographic material, we can notice that the dragon-fighting motif itself is clearly of prehistorical (archetypical) origin. Legends about dragons and snakes exist in all cultures and on all continents: from Europe and Asia through Africa to Latin America.

The oldest mention of dragon-fighting can be found in the Old Testament, in chapter 14 of the Book of Daniel. A dragon is also mentioned in the Book of Revelation, where Archangel Michael fought the beast. In contrast with, for example, the Chinese culture, where dragons are positive characters, the European culture has always considered the dragon to be an antihero, a personification of the animal element which is fought against and defeated by the protagonist. In this context, dragon-fighting can be viewed symbolically as a reflection of the fight against the evil in the world.

In this article, the authors try to identify the genesis and trace the development of the dragon-fighting motif in Russian culture, which adopted it from Byzantium through hagiographic literature but soon developed its original versions, notably the unusual example of “The Tale of Peter and Fevronia of Murom”.

Keywords: dragon, serpent, dragon-fighting, evil, hagiographic literature, epic, hagiography, prophet Daniel, Saint Dimitry of Rostov, fantasy, archetypes

Для цитирования: Никольский Е. В., Вальчак Д. Олицетворение зла? О мотиве змеборства в русской культуре // Libri Magistri. 2020. № 3 (13). С. 76–99.

Поступила в редакцию 16.05.2020